

«Сообщество единой судьбы»:
эволюция внешнеполитической концепции Китая
(конец 1990-х гг. – наст. вр.)

Наталья Б. Помозова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, protozova@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа эволюции внешнеполитической концепции Китая с конца 90-х гг. по настоящее время.

Во второй половине 90-х гг. международная политика Китая вступила в активную фазу. Традиционно отдавая приоритет внутренней политике по отношению к внешней, руководство Китая столкнулось с очевидным дисбалансом растущей военно-экономической мощи КНР и положения страны на международной арене.

Вопреки расхожему мнению о том, что у Китая нет долгосрочной внешнеполитической стратегии, автор полагает, что она существует, но не носит открытого характера.

На основе анализа таких официальных источников, как Конституция КНР, доклады Генеральных секретарей на съездах Коммунистической партии Китая, «белые книги», автор предпринимает попытку рассмотреть эволюцию концепции международной политики КНР и проследить ее преемственность в указанный временной период.

Автор выдвигает гипотезу о том, что концепции «мирного возвышения» и «мирного развития» Китая подготовили почву для выдвижения руководством КНР беспрецедентно амбициозной доктрины «сообщества единой судьбы человечества». Данная доктрина, предполагающая значительные обязательства со стороны Китая как гаранта стабильности в мире, бросает вызов действующему «западному» мировому порядку, смещая центры силы на международной арене.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, концепция новой безопасности, мирное развитие Китая, сообщество единой судьбы, внешнеполитическая доктрина, Генеральные секретари Компартии Китая

Для цитирования: Помозова Н.Б. «Сообщество единой судьбы»: эволюция внешнеполитической концепции Китая (конец 1990-х гг. – наст. вр.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 2. С. 76–88. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-76-88

“Community of common destiny”:
the evolution of the foreign policy concept of China
(the late 1990s – present time)

Natalia B. Pomozova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
npomozova@mail.ru*

Abstract. The article seeks to analyze the evolution of China’s foreign policy concept since the late 1990s to present.

In the second half of the 90s. China’s international policy has entered an active phase. Traditionally giving priority to domestic policy in relation to foreign one, the Chinese leadership has faced an obvious imbalance in the growing military and economic power of the PRC and the country’s position in the international arena.

Contrary to popular belief that China does not have a long-term foreign policy strategy, the author believes that it exists, but has a hidden character.

Based on an analysis of official sources such as the Constitution of the PRC, reports of the General Secretaries at congresses of the Chinese Communist Party, “white papers”, the author attempts to examine the evolution of the concept of international politics of the PRC and to trace its continuity in the specified time period.

The author hypothesizes that the concepts of “peaceful rise” and “peaceful development” of China prepared the ground for the leadership of the People’s Republic of China to put forward an unprecedentedly ambitious doctrine of the “community of common destiny for humanity”. This doctrine, which implies significant obligations on China as a guarantor of stability in the world, challenges the current “Western” world order, shifting the centers of power in the international arena.

Keywords: China, foreign policy, Communist Party of China, new security concept, China’s peaceful development, community of common destiny, foreign policy doctrine, General Secretaries of Communist Party of China

For citation: Pomozova NB. “Community of common destiny”: the evolution of the foreign policy concept of China (the late 1990s – present time) // *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, 2019; 2:76-88. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-76-88

Введение

Продолжая еще советские традиции среднесрочного планирования, современный Китай уверенно «живет пятилетками». Учитывая его успехи в развитии практически по всем направлениям,

сегодня мир внимательно следит за съездами КПК, анализируя, в частности, содержание основных докладов Генеральных секретарей партии как основополагающих документов для жизни и деятельности этой огромной страны. В докладах представлены результаты проделанной за предшествующие очередному съезду пять лет работы, а также формулируются новые задачи, в том числе и в области международной политики Китая, представляя собой, таким образом, среднесрочную внешнеполитическую стратегию страны.

Около 70 лет назад, в момент, когда Китайская Народная Республика была образована, «холодная война» между Востоком и Западом была в самом разгаре. Западные силы во главе с США поставили КНР в условия экономической блокады и дипломатической изоляции. Тогда, оценив ситуацию, Мао Цзедун принял решение придерживаться «однобокого» внешнеполитического курса и взаимодействовать во всех областях с соседями и близкими по идеологии социалистическими странами, в число которых входил и СССР. При этом основной упор традиционно делался на внутреннюю политическую и экономическую ситуацию в Китае – «сначала навести порядок в доме, а потом приглашать гостей».

После долгих лет «закрытости» в КНР второй половины 90-х гг. наблюдался очевидный дисбаланс между растущей экономической мощностью и позициями государства на мировой арене. Стала очевидной необходимость выводить Китай на новый уровень в системе международных координат. В связи с этим происходит активизация международной политики, формулируются концепции, которые, в свою очередь, формируют долгосрочную внешнеполитическую стратегию. В данной статье мы рассмотрим их эволюцию начиная с конца 90-х гг. XX в. до настоящего времени.

Несмотря на то что Китай «живет пятилетками», было бы наивным полагать, что у руководства страны отсутствует долгосрочная внешнеполитическая стратегия. Так, амбициозная и резонансная доктрина «человеческого сообщества единой судьбы»¹, главным образом отражающая международную политику современного Китая, не появилась в одночасье, а явилась следствием принципиального решения «выйти из тени» и занять лидирующие позиции в системе международных отношений. Она стала логичным продолжением тех внешнеполитических концепций, которые разрабатывались в

¹ Впервые термин появился в докладе Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК. См.: Текст доклада Ху Цзиньтао на 18 съезде Коммунистической партии Китая. URL: http://www.china.org.cn/china/18th_cpc_congress/2012-11/16/content_27138030.htm (дата обращения 25 января 2019).

КНР по мере того, как руководство уделяло все больше внимания вопросам позиций Китая в мире.

Помимо докладов Генеральных секретарей КПК на съездах партии основными публичными документами, в которых отражаются новые дипломатические установки, являются документы Центральных рабочих совещаний по вопросам внешней политики, так называемые «белые книги» – официальные сообщения, разъясняющие внешнюю политику государства, которые выпускает Департамент по внешнеполитическому планированию МИД КНР.

Внешиполитический вектор КНР при Цзян Цзэминь. Концепция новой безопасности

Генеральный секретарь Компартии КНР Цзян Цзэминь в своем докладе XV съезду партии в 1997 г. говорит об «историческом этапе осуществления великого возрождения нации Китая на основе социализма»². Это возрождение предполагало усиление международной политики КНР с тем, чтобы заявить в мире о себе как о государстве, с которым придется считаться ключевым игрокам политической арены.

Для Китая характерна преемственность, эволюционный подход во всем, во многом благодаря которому руководителям страны удалось добиться впечатляющих результатов в различных областях. Так и во внешней политике Цзян Цзэминь, встав на путь «открытости вовне», «приглашая к себе» и «выходя за рубеж», следовал принципам, заложенным своим предшественником Дэн Сяопином. Эти принципы заключались в приоритете национального развития с учетом международной ситуации и исходя из интересов КНР. Данный внешнеполитический вектор в период Цзян Цзэминя дополнялся ориентацией на развитие внешнеэкономических связей, увеличением использования передовой иностранной техники и технологий, расширением экспорта, внедрением новых форм внешних экономических связей и привлечением иностранного капитала [1 с. 94–107]. Концепция «возрождения величия китайского народа», обозначенная Генеральным секретарем КПК на XV съезде, которая играла значительную роль во внутренней политике государства и являлась национальной идеей, выполнявшей идеологические функции, распространилась в том числе и на внешнюю

²Текст доклада Цзян Цзэминя на XV съезде КПК. URL: http://www.bjreview.com.cn/90th/2011-03/25/content_357542.htm (дата обращения 25 января 2019).

политику. Увеличив экономическую мощь за счет стратегии под лозунгом «идти вовне», предполагалось поднять престиж страны, обозначить ее место на международной арене.

Национальная идея, призванная сплотить все слои китайского общества как на родине, так и за рубежом, заключающаяся в создании самой мощной экономической державы мира и сформулированная как «великое возрождение китайского народа», предопределяет участие Китая в глобальных экономических процессах в качестве противовеса развитым странам, и в первую очередь США. Но помимо экономической составляющей этой стратегии, очевидна также и политическая компонента, о которой Пекин не заявляет открыто. Однако на XV съезде в 1997 г. Цзян Цзэминь неоднократно упоминал о необходимости борьбы против гегемонизма, однополярной системы мирового устройства³. На XVI съезде в 2002 г. он говорит о «старом мировом порядке, нечестном и иррациональном, который нужно фундаментально менять», в докладе появляется словосочетание «новый международный политический и экономический порядок» [2 с. 157], которое представляет собой внешнеполитический вектор Китая, актуальный и в настоящее время. Значимой составной частью данной доктрины является «концепция новой безопасности», основанная на понимании того, что «народы соседних стран могут жить в мире и гармонии настолько долго, насколько будут находиться эффективные и разумные пути решения возникающих между ними разногласий. По словам Цзян Цзэминя, она строится на основе взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия и координации действий между странами» [3 с. 120]. Данная теория направлена в большей степени на политику в отношении соседей Китая. Это подтверждается фактом того, что в течение нескольких лет Китай урегулировал практически все территориальные споры, подписал с АСЕАН Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море, что продемонстрировало приоритеты мирного сосуществования КНР с соседями.

«Мирное развитие Китая»

С приходом к власти Ху Цзиньтао во внешнеполитическом дискурсе китайской элиты появились новые теории, главной из которых стала концепция «мирного возвышения». После визита

³Текст доклада Цзян Цзэминя на XV съезде КПК. URL: http://www.bjreview.com.cn/90th/2011-03/25/content_357542.htm (дата обращения 25 января 2019).

в США в 2002 г., во время которого бывший исполнительный директор партийной школы при ЦК КПК Чжэн Бицзянь провел ряд встреч в высших кругах американской власти, осенью 2003 г. он выступил на форуме в Боао (о. Хайнань) и выдвинул тезис о «мирном возвышении» Китая⁴. Речь была адресована мировой обществу, но и в Китае, где стремительным ростом экономики и военной мощи КНР и видевшей в этом «китайскую угрозу». Эта концепция стала активно транслироваться руководством Китая. Так, в декабре 2003-го о ней высказались Ху Цзиньтао и премьер Вэнь Цзябао, в марте 2004 г. Вэнь попытался представить развернутую трактовку ее содержания, а в апреле 2004 г. о ней вновь говорил Ху Цзиньтао⁵.

Однако формулировка концепции шла вразрез с теоретическим наследием Дэн Сяопина, который говорил о том, что во внешней политике Китаю необходимо «держаться в тени и не проявлять себя». Несмотря на то что ситуация внутри страны изменилась, эволюционный подход, как мы отмечали выше, свойственен руководству Китая, и формулировка «мирного возвышения» подвергалась критике ключевыми сотрудниками Министерства иностранных дел. В конце 2004 г. новый тезис о «мирном развитии» вошел в оборот внешнеполитического дискурса руководителей КНР как реакция на восприятие данной концепции за рубежом. На XVII съезде КПК обсуждению формулировки ее названия была посвящена отдельная дискуссия, в результате которой было принято решение смягчить термин и в публичном пространстве употреблять «мирное развитие», ставшее «новой философией как внешней, так и внутренней политики Китая» [4].

Нам представляется справедливым мнение о том, что такая замена формулировки носила номинальный характер и была предназначена в большей степени для внешнего дискурса, в то время как фактически суть концепции тяготела к «мирному возвышению», что прекрасно воспринималось в стране и решало таким образом и внутривнутриполитические задачи, в частности, воспитания патриотизма у населения страны, вписываясь в логику «возрождения великой китайской нации».

Тем не менее опубликованная в 2005 г. «белая книга» под названием «Путь мирного развития Китая» официально закрепила терминологию главной на тот момент внешнеполитической доктрины. Документ состоит из пяти разделов:

⁴China's Peaceful Rise: Speeches of Zheng Bijian, 1997–2005 // Brookings Institution Press, 2005. С. 14–19.

⁵Ломанов А.В. Ся Липин, Цзян Сиюань. Чжунго хэпин цзюэци (Мирное возвышение Китая). 2005. URL: http://www.globalaffairs.ru/book/n_4246 (дата обращения 25 января 2019).

1. Мирное развитие – неизбежный путь модернизации Китая.
2. Способствуя всеобщему миру и развитию посредством роста Китая.
3. Развитие, опирающееся на собственную силу, реформы и инновации.
4. В поисках взаимной выгоды и совместного развития с другими странами.
5. Создавая гармоничный международный порядок всеобщего мира и процветания⁶. Анализ текста документа показывает, что именно данная концепция «подготовила почву» для актуальной, весьма амбициозной внешнеполитической доктрины Китая.

В четвертом абзаце текста выступления Ху Цзиньтао на XVIII съезде партии впервые появляется термин «сообщество с единой судьбой» («community of common destiny») [2 с. 156–161]. Это в очередной раз подтверждает факт наличия у Китая долгосрочной внешнеполитической стратегии, так как впоследствии данная концепция займет центральное место во внешнеполитическом дискурсе преемника Ху Си Цзиньпина.

Именно Ху Цзиньтао вошел в историю как Председатель КНР, при котором Китай начал «великое возрождение», заявив о себе не только как о мощной экономической державе, но и как о важнейшем игроке на международной арене, с которым приходится считаться всем странам. При этом внешнеполитический дискурс трансформировался при Ху таким образом, чтобы убедить весь мир в том, что стремительный скачок КНР в экономической и военной областях не представляет никакой угрозы для других государств и развитие страны будет и впредь происходить исключительно мирным путем. Более того, руководство Китая видит свою задачу в том, чтобы помогать и способствовать процветанию и других (в первую очередь это касается соседей и развивающихся стран), осознавая при этом свою ответственность как управленцев одного из главных субъектов международных отношений.

Сообщество единой судьбы

В октябре 2013 г. на XIX съезде КПК одним из тезисов доклада Генерального секретаря стал тезис о вступлении социализма с китай-

⁶Текст доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК. URL: http://www.xinhuanet.com/english/special/2017-11/03/c_136725942.htm (дата обращения 25 января 2019).

ской спецификой в новую эпоху⁷. Это касается не только внутренней политики, но и внешней, что подтверждает риторика части доклада, посвященная международной политике КПК [2 с. 156–161].

Политика Си Цзиньпина, с одной стороны, сохраняет преемственность с внешнеполитической линией предыдущих четырех поколений китайской власти, а с другой – имеет значительные отличия.

Формула Дэн Сяопина «затаиться и ничем не показывать себя» исчерпала свою актуальность на фоне роста экономической и военной мощи. Наблюдается значительная активизация международных инициатив, беспрецедентное количество поездок лидера за рубеж, проведения масштабных международных мероприятий в Китае. В традициях, заложенных предыдущим поколением руководителей, опасения экспансии Китая руководство КНР пытается нивелировать дипломатической риторикой, убеждая мир в том, что страна не только идет по пути «мирного развития», но и, позиционируя себя как одного из главных игроков на международной арене, готова поделиться плодами успехов, взяв на себя ответственность за мирное и взаимовыгодное сосуществование всех государств. Китай подкрепляет этот тезис «дипломатии с китайской спецификой» своими действиями. Так, во время мирового финансового кризиса руководство Китая поступилось экономической выгодой и помогло ряду государств Юго-Восточной Азии избежать дефолта. Таким образом власти Китая обозначили КНР как надежного и ответственного партнера в международных отношениях, отдав предпочтение долгосрочным репутационным дивидендам.

Традиционно внутренняя политика имеет в КНР приоритет важности по сравнению с внешней, поэтому внешнеполитический дискурс обращен не только вовне, но и внутрь страны, к гражданам Китая. Так, например, по мнению И.Е. Денисова, «мотивами Дэн Сяопина при выработке «скромной» внешнеполитической доктрины были не только экономия ресурсов, необходимых прежде всего для внутреннего развития, но и боязнь проиграть на всемирной шахматной доске более опытным державам... Проигрыш «на внешнем фронте» для китайского руководства означал бы шаг к делигитимации власти КПК, и, судя по всему, мотивы сохранения и укрепления партийной власти по-прежнему определяют любые крупные внешнеполитические шаги»⁸.

⁷Текст доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК. URL: http://www.xinhuanet.com/english/special/2017-11/03/c_136725942.htm (дата обращения 25 января 2019).

⁸China's Peaceful Rise: Speeches of Zheng Bijian 1997–2005 // Brookings Institution Press, 2005. 40 p.

В этом отношении наблюдается преемственность Си Цзиньпина, который, несмотря на амбициозную риторику («сообщество единой судьбы», дипломатия с китайской спецификой, дипломатия Си⁹, «диалог КПК с миром») и глобальные инициативы («Один пояс – один путь», Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и прочие), в их практической реализации ведет себя достаточно осторожно. Так, например, начиная с 2015 г. в Китае на официальном уровне запрещено называть «Один пояс – один путь» «программой», «повесткой», «стратегией», что дает китайским властям возможность избегать конкретных обязательств и приспособливаться к меняющимся как внутренним, так и внешним обстоятельствам. Лидерами КНР часто делаются заявления в духе китайской риторики, понятные и позитивно воспринимаемые внутри страны, но оставляющие мировому сообществу возможность для интерпретаций. Например, термин «более справедливый и рациональный мировой порядок», к которому часто апеллирует руководство Китая, в том числе в рамках концепции «сообщества с единой судьбой», имеет весьма размытое значение. Таким образом, дипломатическая риторика в значительной степени служит решению внутренних задач.

В феврале 2018 г. пленум ЦК КПК одобрил внесение поправок в Конституцию, касающихся возможности переизбираться лидеру КНР после 10-летнего нахождения у власти бесчисленное количество раз. Это гарантирует Си возможность контроля реализации долгосрочных стратегий под своим руководством и выводит его возможности как глобального лидера на новый уровень. Кроме того, в новой редакции от 11.03.2018 г. в преамбуле к Конституции появился абзац о том, что «будущее Китая тесно связано с будущим всего мира... Китай отстаивает стратегию открытости, ориентированную на взаимную выгоду и совместный выигрыш... продвигает создание человеческого сообщества с единой судьбой»¹⁰.

С приходом к власти Си Китай заявил о себе как об одном из ключевых государств, глава которого выступает в качестве глобального лидера, ориентированного не только на «великое возрождение китайской нации», но и претендующего на роль гаранта спокойствия в мире. Его образ формируется именно в этом ключе. Так,

⁹Термин утвердился в официальном дискурсе Китая. Подтверждением этому служит факт использования национального информационного агентства Синьхуа хэштега #Xiplomacy.

¹⁰Конституция КНР, преамбула. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения 25 января 2019).

вопреки тому, что впервые об инициативах Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века, направленных на усиление позиций Китая в мире, упоминал премьер-министр Ли Кэцян, их авторство приписывают Си Цзиньпину.

Изначально словосочетание «единая судьба» (*mingyun gong-tongti*) использовалось в политическом дискурсе Китая в отношении Тайваня. Термин «сообщество единой судьбы» впервые был употреблен официально применительно к другим суверенным государствам в опубликованной в 2011 г. «Белой книге», посвященной мирному развитию Китая¹¹. Затем на XVIII съезде КПК в 2012 г. в своем докладе Си говорил об этой беспрецедентной по своим масштабам внешнеполитической инициативе. Такая модель бесконфликтного сосуществования государств провозглашает своими принципами уважение суверенитета и невмешательства во внутренние дела других стран, отвечает тенденциям глобализации и представляет собой альтернативу действующей западной модели международного порядка, которая, в свою очередь, испытывает трудности с концептуализацией собственной внутренней модели, отягощаемой постоянными кризисами и трудноприменимой при «экспорте» в другие страны.

На 70-й Генассамблее ООН в 2015 г. Си Цзиньпин представил миру эту доктрину: «Мы должны выстраивать партнерские отношения, при которых страны будут относиться друг к другу как к равным, участвовать в консультациях и демонстрировать взаимопонимание... Мы должны создать архитектуру безопасности, включающую в себя справедливость, делать совместный вклад во взаимное развитие, предполагающее общие выгоды... Мы должны продвигать открытое, инновационное развитие, в которое будут вовлечены все страны и которое всем приносит пользу... Мы должны расширять межгосударственные обмены, чтобы способствовать гармонии и уважению различий... Мы должны создать экосистему, которая отдает приоритет экологии и сохранению природных ресурсов»¹².

Для трансляции глобальных инициатив китайского руководства постоянно создаются новые площадки. Так, в 2014 г. впервые про-

¹¹ Белая книга. «Мирное развитие Китая», 2011. Официальный сайт Правительства Китая. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284646.htm (дата обращения 25 января 2019).

¹² Речь Председателя КНР на 70-й Генеральной Ассамблее ООН. 2015. URL: <http://webtv.un.org/meetings-events/general-assembly/general-debate/70th-session/watch/china-general-debate-70th-session/4515429999001/?term=&sort=popular> (дата обращения 25 января 2019).

шла конференция «Диалог КПК с миром», целью которой является информировать зарубежных партнеров о политике Коммунистической партии Китая. В 2017 г. в рамках данного мероприятия в Пекине Председатель КПК призвал политические партии всего мира участвовать в процессе построения сообщества единой судьбы.

Преемственность руководства Китая прослеживается и во внешнеполитическом инструментарии, которому должна быть присуща китайская специфика. На Центральном рабочем совещании по вопросам внешней политики в 2014 г. Председатель КНР говорил о необходимости «продвигать дипломатию с китайской спецификой, китайскими особенностями»¹³, а на совещании в 2018 г. Си призвал использовать «уникальную дипломатическую модель с китайской спецификой для построения сообщества единой судьбы человечества»¹⁴.

На XIX съезде КПК Си Цзиньпин заявил о том, что концепция перешла из теоретической фазы в практическую. Ее формулировка была закреплена в поправках к уставу партии, принятых на XIX съезде, а годом ранее, в 2017 г., ООН включила ее в ряд резолюций и других официальных документов [5].

Заключение

Внешнеполитическая доктрина Китая и ее растущая популярность вызывает значительный интерес международного сообщества. Размытая формулировка, неясность заложенных смыслов и связанных с ней намерений порождают многочисленные споры о ее будущем в сфере международных отношений и тех задачах, которые намерено решить руководство Китая посредством ее применения. Так, Дэнхуа Чжан в своей статье «Концепция “сообщество единой судьбы” в китайской дипломатии: значения, мотивы и последствия» высказывает мнение о том, что с ее помощью Китай в первую очередь стремится решить практические и принципиальные вопросы своей внешней политики, не демонстрируя в их решении гибкости, а взаимодействовать с другими государствами руководство КНР готово по менее значимым для страны проблемам [6].

¹³ Материалы Центрального рабочего совещания по вопросам внешней политики. 2014. Электронный ресурс: <http://sr.china-embassy.org/eng/zyxw/t1217004.htm> (дата обращения 25 января 2019).

¹⁴ Материалы Центрального рабочего совещания по вопросам внешней политики. 2018. URL: http://www.81.cn/jmywyl/2018-06/23/content_8069112.htm (дата обращения 25 января 2019).

Не споря с данным предположением, отметим, что внешнеполитический вектор, в основе которого лежит беспрецедентно амбициозная стратегия, предполагающая смену до сих пор действующей «западной» модели международных отношений на новый порядок с «китайской спецификой», может демонстративно определить гибкость с учетом различных обстоятельств. Тем не менее ее главная цель – обеспечить Китаю роль лидера на международной арене. Вместе с тем, например, Н.В. Литвак, отмечая, что в современном по-прежнему однополярном мире, «исключение представляет Китай, который может в перспективе повторить путь СССР и США по построению всестороннеразвитого научно-технического военного и промышленного комплекса, хотя и у него есть проблемы...» [7 с. 128], считает, что Китаю, «несмотря на потрясающие успехи в организации государства и экономической политике, необходимы еще годы для того, чтобы стремительно растущий учебно-воспитательный потенциал дал соответствующий научный и промышленный результат (при условии, конечно, сохранения текущей политики – судьба российского образовательного, научно-технического и военного потенциала у нас всех, что называется, перед глазами)» [7 с. 130]. Таким образом, с одной стороны, вышеприведенный внешнеполитический дискурс китайских руководителей представляет собой инструмент для выигрыша необходимого для наращивания своего потенциала времени, а с другой – реформа института сменяемости власти может поставить под вопрос продолжение успешного развития страны в этом направлении.

Литература

1. *Сыроежкин К.Л.* Внешнеполитические концепции Китая на современном этапе // Казахстан в глобальных процессах. 2009. № 4. С. 94–107.
2. *Помозова Н.Б.* Отражение внешнеполитического вектора в дискурсе докладов на XIV–XIX съездах Коммунистической партии Китая // Государственное и муниципальное управление: Ученые записки. 2018. № 4. С. 156–161.
3. *Голобоков А.С.* Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая // Ойкумена. 2010. № 3. С. 117–122.
4. *Денисов И.Е.* Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 5 (10). С. 83–98.
5. *Литвак Н.В.* Кризис социологических концепций информационного общества в сфере социально-экономических отношений // Философия хозяйства. 2011. № 1 (73). С. 206–217.

6. *Denghua Zhang*. The Concept of “Community of Common Destiny” in China’s Diplomacy: Meaning, Motives and Implications. *Asia and the Pacific Policy Studies*: John, Willey and sons, Australia, Ltd.; 2018. 386 p.
7. *Литвак Н.В.* О некоторых аспектах информационной борьбы на Ближнем Востоке // *Конфликтология*. 2012. № 4. С. 125–133.

References

1. Syroezhkin KL. Foreign Policy Concept of China of Modern Period. *Kazakhstan in Global Processes*. 2009;4:94-107. [In Russ.]
2. Pomozova NB. The Reflection of the Foreign Policy Vector in the Discourse of Reports at the 15-19 CPC Congresses. *Governmental and municipal administration. Scholarly notes*. 2018; 4:156-61 [In Russ.]
3. Golobokov AS. Formation and Development of the Foreign Policy Doctrine of China. *Oikumena*. 2010; 3:117-22. [In Russ.]
4. Denisov IE. Foreign Policy of China during the Xi Jinping’s Period: Continuity and Innovation. *Kontury globalnikh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. 2017;5:83-98. [In Russ.]
5. Litvak NV. Crisis of the Sociological Concepts of the Informational Society in the Area of the Social-Economical Relations. *Philosophia khozyaystva*. 2011;1:206-17. [In Russ.]
6. Denghua Zhang. The Concept of “Community of Common Destiny” in China’s Diplomacy: Meaning, Motives and Implications. *Asia and the Pacific Policy Studies*: John, Willey and sons, Australia, Ltd.; 2018. 386 p.
7. Litvak NV. About some Aspects of the Informational War in the Middle East. *Konfliktologia*. 2012;4:25-133. [In Russ.]

Информация об авторе

Наталья Б. Помозова, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; promozova@mail.ru

Information about the author

Natalia B. Pomozova, Cand. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; promozova@mail.ru